КАПИТАН ТАЙГИ

К 150-летию Владимира Арсеньева

ПОЛНОКРОВНАЯ ЖИЗНЬ во всей первозданной красе, спокойная мудрость, ароматы дальних стран, твёрдость в преодолении возникающих трудностей, стойкость перед лицом смертельных опасностей… И над всем этим — влекущая романтика настоящих, невыдуманных путешествий по диким и неисследованным местам. И ещё — правда! Ценная научная достоверность и скрупулёзная точность в описаниях, будь то этнографических, геологических, зоологических, географических или иных.

О ком пойдёт речь? О человеке, будто сошедшем со страниц романов другого энтузиаста науки и путешествий — Жюля Верна.

Так вспомним же сегодня и почтим память Владимира Клавдиевича Арсеньева, путешественника, учёного и писателя, 10 сентября 2022 года отмечая его 150-летний юбилей.

Если в момент рождения над головой младенца Владимира возникли бы огненные письмена, предначертавшие судьбу, то они бы гласили: "Человек, создай себя сам!" Второй сын в большой семье с десятью детьми, он отличался ярким, живым и довольно необузданным нравом. Отец, Клавдий Фёдорович, страстно любил чтение и приобщил к нему детей. Герои Фенимора Купера, Даниэля Дефо, Жюля Верна жили бок о бок с братьями Арсеньевыми, воспитывали, будили воображение и неудержимую тягу к путешествиям. Да и родной город Санкт-Петербург с его музеями, кораблями, диковинами и умными разговорами старших немало способствовал зарождению в мальчике Володе той внутренней культуры, того несгибаемого стержня, что определили всю его жизнь.

Судьба заботливо дала в наставники юному Арсеньеву, юнкеру Санкт-Петербургского пехотного училища, известного путешественника, поручика М.Е. Грум-Гржимайло. Тот заинтересовал способного юношу географическими исследованиями, особенно указывая на дикие области Российской империи, в частности, Дальнего Востока. Именно поэтому в 1900 году, после прохождения обязательной службы в 14-м Олонецком пехотном полку, расквартированном в польском городе Ломжа, подпоручик Арсеньев, успевший к тому времени обзавестись семьёй, в ответ на многочисленные его прошения был откомандирован на Дальний Восток. Переведён в 1-й Владивостокский крепостной пехотный полк. По признанию самого Арсеньева, окинув взглядом дали, открывшиеся с высоты Орлиного гнезда, он почувствовал, будто попал на другую планету, и захлебнулся нахлынувшими впечатлениями. В военных "экскурсиях", ничем не уступающих экспедициям Географического общества, офицер-путешественник учился правильно ходить по таёжным тропам: осторожно, неторопливо, смотреть внимательно, отпечатывая в памяти каждую деталь, — учился думать на основе личного опыта, не доверяя книжной премудрости. Он нашёл способ сочетать собственные научные изыскания со службой. В 1900–1905 годах он обследовал весь юг Приморья. Уже тогда Арсеньев не только наносил на карту то, что полагалось по заданию военного начальства, но и описывал флору и фауну, археологические находки и этнографические особенности местности. Экспонаты Арсеньев отправлял в Археологический музей Петербурга, снабжал этнографический и краеведческий музеи Приморья.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА проходила бурно. По некоторым сведениям, Арсеньев принял кратковременное участие в экспедиции русской армии по усмирению Восстания боксёров в Китае и был награждён.

Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов Арсеньев, начальник Владивостокской крепостной конно-охотничьей команды, возглавил военную разведку крепости, был награждён орденами Святой Анны 3-й и 4-й степени и Святого Станислава 3-й и 2-й степени.

В 1905 году открылась самая яркая страница жизни будущего писателя: его направили в Хабаровск, в штаб Приамурского военного округа. Начались длительные и опасные, но такие увлекательные с точки зрения натуралиста экспедиции в Сихотэ-Алинь.

"Четыре раза я погибал с голоду. Один раз съели кожу, другой раз набивали желудок морской капустой, ели ракушки. Последняя голодовка была самой ужасной. Она длилась 21 день. Вы помните мою любимую собаку Альпу — мы её съели в припадке голода и этим спаслись от смерти. Три раза я тонул, дважды подвергался нападению диких зверей (тигр и медведь)… И ничего!" — рассказывал Арсеньев.

Проигранная война указала на недостаточность знания русской армией местности, путей и дорог, залежей полезных ископаемых, а также населяющих Дальний Восток народностей и их политических тяготений. Все эти вопросы предстояло разрешить экспедициям, в том числе и Арсеньева. Кроме того, необходимо было определять маршруты проведения будущих железных дорог.

Казалось бы, неподъёмный свод вопросов. Но не для Владимира Клавдиевича. Уже в юнкерах он сумел так организовать своё чтение, что самоучкой постиг многие науки: зоологию, ботанику, этнографию, геологию и многие другие, включая археологию. Ни трудности службы, ни война не прервали его самообразования. Арсеньев был рад любому случаю пополнить свои знания путём общения как с учёными-специалистами, так и с местными знатоками края: старожилами, охотниками, проводниками. Многих из них он называл своими учителями, руководителями. И всё же главными учителями Арсеньева, конечно, были книги. В результате, не имея за плечами университетского образования, Владимир Клавдиевич оказался признан ведущими российскими учёными-естествоиспытателями, состоял с ними в переписке, публиковал монографии, делал доклады в Академии наук. В общем и целом, Арсеньев состоял более чем в двадцати научных обществах, включая Русское географическое общество и Британское Королевское географическое общество.

Высочайшим повелением, "в изъятие из закона", Арсеньев был освобождён от службы в войсках и штабах и, сохраняя воинское звание и чинопроизводство, переведён в Главное управление землеустройства и земледелия. В 1910–1919 годы он был избран директором Хабаровского краеведческого музея и теперь мог посвятить себя науке. Позже, в начале 1920-х годов, во Владивостоке Арсеньев заведовал этнографическим отделом Приморского музея, который сегодня носит его имя. Однако нередко в адрес Владимира Клавдиевича раздавались упрёки в том, что он "самоучка", "выскочка", "офицеришка" и т.п. Арсеньев не раз с горькой иронией писал об этом, подчёркивая, что хотя он в глазах некоторых "присяжных" этнографов всего лишь любитель, "однако за свои любительские работы всё же получил две серебряные и одну золотую медали", что ему была присуждена премия им. М.И. Венкжова и что многие из его работ переведены на иностранные языки.

ЛИСТАЯ ТОЛСТЫЕ клеёнчатые тетради путевых дневников Владимира Клавдиевича, современные исследователи его жизни и творчества поражаются художественности и скрупулёзности заметок, зарисовок, гербариев, ландшафтных схем, описаний внешнего вида, образа жизни и, главное, философского миросозерцания местных жителей, обитателей Сихотэ-Алиня. Сколько раз отважные путешественники были на краю гибели! Реальные приключения, пережитые экспедициями Арсеньева, заставляли побледнеть и стереться из памяти придуманные коллизии романов Купера. А "инородец" гольд Дерсу Узала как литературный образ выглядит неизмеримо выше и ярче Следопыта Кожаный чулок.

Сначала Владимир Клавдиевич думал только о научной ценности своих книг-отчётов. Но чем дальше, тем сильнее мощная личность гольда-охотника отпечатывалась на всём. Справедливость материальных взаимоотношений лесных людей, их гуманность и неприятие бессмысленных убийств привели и самого Арсеньева к переоценке основополагающих моментов "городской культуры".

"— Как! — опять закричал он. — За воду тоже надо деньги плати? Посмотри на реку, — он указал на Амур, — воды много есть. Землю, воду, воздух бог даром давал. Как можно?"

Бесконечное возмущение вызывали у Арсеньева расистские теории, допускающие разделение человечества на "высшие" и "низшие" расы, оправдывающие человеконенавистничество, эксплуатацию одних народов другими:

"Дикарей, диких людей и диких народов нет вовсе, есть народы "малокультурные" и народы "с высокой культурой"… Мышление так называемого дикаря нисколько не ниже мышления европейца… Человечество на земном шаре едино".

О Дерсу Узала, старом охотнике, образ которого объединяет несколько книг, Арсеньев писал:

"Это совершенно реальная личность. Его многие знали, видели, говорили с ним. В моей книге Вы, вероятно, заметили, что я описал первобытный коммунизм, особую таёжную этику, деликатность туземца, которого ещё не коснулась цивилизация большого города".

Книги "По Уссурийскому краю" и "Дерсу Узала" приобрели необыкновенную популярность у читателя. Феномен мудрого гольда пытались разгадать и Михаил Пришвин, и Максим Горький, который много лет писал восторженные письма Владимиру Клавдиевичу и помогал тому продвигать книги. Хотя монографии занимали всё время учёного, но именно издание его художественных книг принесло Арсеньеву всемирную славу. Цунами писем: благодарных, признательных и просящих совета у доброго человека — с головой захлестнули писателя.

Однако после революции Арсеньев подвергался гонениям. В основном за яростную защиту коренных народностей Дальнего Востока. "Лесные люди", многие годы знавшие Арсеньева, видели в нём благородного и справедливого защитника, писали ему о бедах, постигших их после упразднения купечества и, соответственно, остановок закупки пушнины у них, что обрекало охотников на голодную смерть. Просьба орочей с Тумнина и тунгусов с Соркума, орочей Советской Гавани, реки Копи, просьба о создании кооперативов, о спасении…

Арсеньев старался помочь, вызывая на себя огонь критики: "великорусский шовинизм, нежелание понять основы марксистско-ленинской экономики…" Работать ему стало трудно, особенно после подавления восстания коренных народностей Дальнего Востока.

В 1927 году, предприняв ещё одну экспедицию по Сихотэ-Алиню, Арсеньев выпустил книгу "Сквозь тайгу". В 1930 году писатель предпринял ещё несколько экспедиций по обследованию таёжных районов в связи с постройкой новых железнодорожных линий. Тогда-то Владимир Клавдиевич и простудился, у него случилось крупозное воспаление лёгких, приведшее 4 сентября 1930 года к скоропостижной смерти. Жена писателя оставила такое свидетельство:

"Хоронил его Окрисполком — на похоронах был весь город — несколько тысяч людей шло за гробом. Цветов и венков было — горы. У гроба всё время стоял почётный караул от общественных организаций — хоронили с музыкой. Так, как его, здесь, на Дальнем Востоке, никого не хоронили. Всюду его портреты, и хотят ставить памятник. А у меня на душе такая тоска безысходная…"

Многие годы писатель работал над монографией "Страна Удэхе", считал её главным трудом своей жизни. После смерти Арсеньева уже готовая рукопись была странным образом утеряна, так и не увидев свет.

А. Фадеев, издавший в 1930 году свою книгу "Последний из удэге", в предисловии писал: "Об этом народе имеются прекрасные исследования В.К. Арсеньева и некоторых других. Я считаю себя вправе использовать эти труды в своём романе, помимо моих личных наблюдений над туземцами".

ЯСНАЯ МУДРОСТЬ и чуткое понимание всех событий, уважение жизни и самоотверженность, способность спокойно отдать жизнь ради спасения друга — эти черты Дерсу Узала, столь любовно выведенного в книгах Арсеньева, очаровали не только российских читателей.

Акира Куросава, выплеснувший свой яростный, горький темперамент в таких фильмах, как "Расёмон" и "Красная борода", признавался, что 30 лет вынашивал замысел фильма по роману Арсеньева "Дерсу Узала". Наконец, в 1975 году, эти мечты воплотились в прекрасный художественный фильм японско-советского производства. Режиссёр отверг все эффектные сцены сражения с хунхузами, браконьерами или гибели животных в ловчих ямах. Режиссёр избрал неспешный путь спокойного повествования самого своего уравновешенного фильма, чтобы углубиться в первозданную тишину и мудрость тайги, этику "лесных людей". Поиск духовных и эмоциональных связей с природой — такой он видел задачу фильма. По мнению Куросавы, нравственное совершенствование личности невозможно без возврата к удивительной гармонии Человека и Природы, гармонии, персонифицированной в образе старого охотника-гольда, гармонии, веками звучащей в каждой строке русской классики: Пушкина, Тургенева, Есенина…

Удивительно, что этот раздумчивый и мудрый фильм тогда был принят в штыки в Китае… Вот газетные цитаты времён Мао Цзедуна:

"Фильм "Дерсу Узала" оправдывает захват китайской территории", "Советский Союз использовал Куросаву в своих антикитайских целях и сделал его соучастником своего преступления", "…фильм, выпущенный советскими ревизионистами". Странно читать эти неуместные и агрессивные строки теперь, понимая и находя в них след политики ЦРУ, Демократической партии США, всеми силами отторгавших КНР от СССР. Но и не менее странно осознавать, что разносторонний учёный, пламенный патриот России, изумительный писатель и бесстрашный путешественник В.К. Арсеньев на родине также подвергся гонениям, несмотря на его доброту, бесспорную полезность и гуманизм всех начинаний. Становится горько от мысли, что и семья писателя после его смерти была репрессирована, а вторая жена Маргарита Арсеньева расстреляна после четырёх лет тюрьмы. О судьбе дочери лучше и не говорить…

Чудны дела "городских людей", суетливых, алчных, не признающих живую душу во всём: камне, дереве, бурундуке, тигре, другом человеке…

"— Капитан! Пожалуйста, пусти меня в сопки. Моя совсем не могу в городе жить… другой люди ругается".

ИЗАКОНЧИТЬ этот рассказ о легендарном путешественнике и писателе Арсеньеве хочется знаковой историей о кладе Дерсу Узала. Кладе из 22 отборных корней женьшеня, посаженных гольдом для друга — "капитана" — Владимира Клавдиевича Арсеньева, в 90-х годах XIX века в верховьях приморской реки Илистой. Женьшень растёт сотни лет, приобретая целебные свойства, давая потомство. Первая жена Арсеньева Анна Константиновна рассказывала о муже:

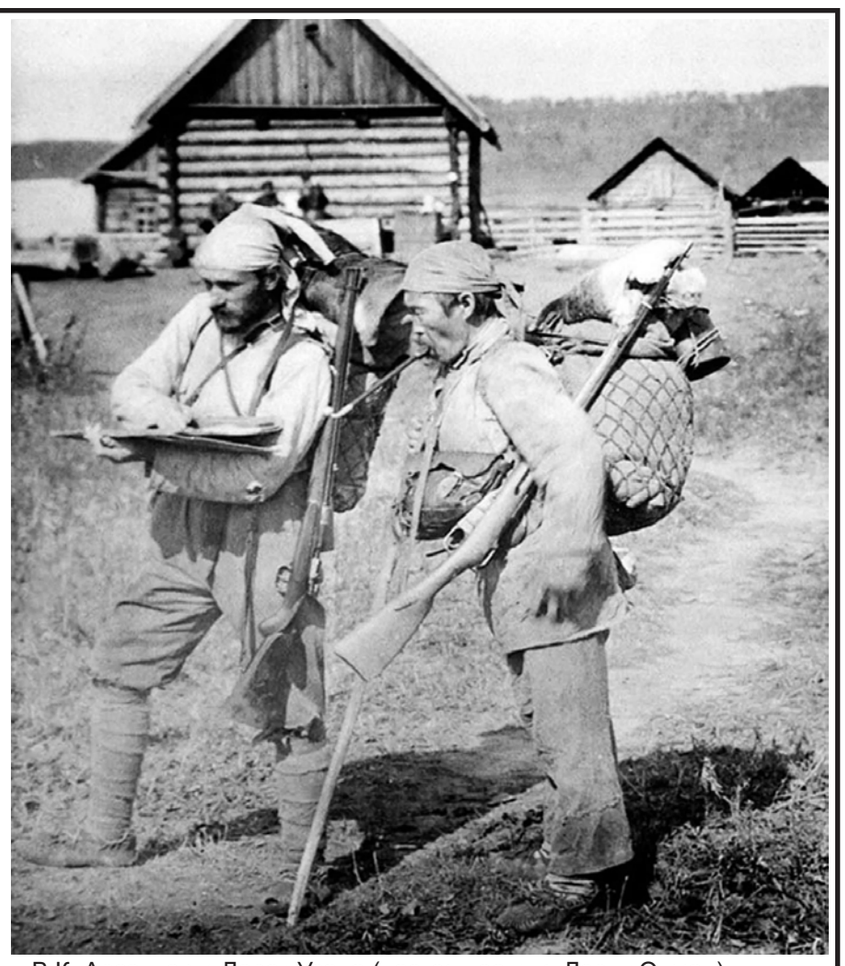
"…Была у него небольшая зелёная книжечка, куда он записывал свои секреты. Там находились и карты плантаций Дерсу".

Во время гражданской войны книжечка исчезла. Но о ней знал и брат писателя Александр. Он рассказывал, что в 1917 году Владимир Клавдиевич ещё не откапывал "клад".

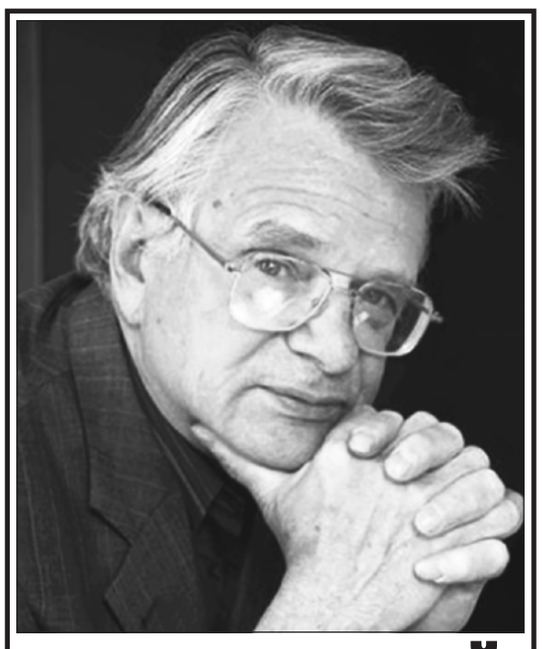
Поиски плантации Дерсу продолжаются по сей день. Найдены большие рощицы женьшеня в Приморье, но они естественного происхождения.

А женьшень Дерсу Узала всё ждёт назначенного часа, когда придёт человек с такой же чистой, как у Арсеньева, душой, духовный наследник его начинаний. Ему и откроется клад Дерсу.

Ирина ПИЧУГИНА



В.К. Арсеньев и Дерсу Узала (настоящее имя Дэрчу Оджал)



ГУСАР, ПРОЩАЙ!

Памяти писателя Владимира Гусева

МНОГООБРАЗНО СОВМЕЩАЯ литературную и организационную деятельность, Владимир Гусев, автор более трёх десятков произведений, в том числе романа "Легенда о синем гусаре", был великолепно плодовит и по-хорошему распорядителен в плане устроения литературного быта, ныне практически сошедшего на нет.

"Ямбы и отступления. Дневник метрический" интересно окрашен мыслью, чьи зигзаги позволяют отчётливее слышать поэтов, о которых пишется тот или иной фрагмент дневника, в целостности дающего именно монолит литературного произведения.

"Герой и стиль" исследует поведенческие парадигмы персонажей, и чёткость анализа подчёркивается повествовательным искусством…

Критика всегда однобока. И представитель оного цеха без опыта сочинительской деятельности будет интересен мало.

Но проза В. Гусева крепка и пересыпана солью постижения яви через слово — именно так и должна работать подлинная проза.

"С утра до утра" или "Дни" читаются столь же интересно, сколь и питательными являются в эстетическом отношении, удовлетворяя самый взыскательный голод этого порядка.

Очень русский, пронизанный любовью к отеческой, разнообразно прекрасной, пышной и грустной природе писатель Гусев много сделал как преподаватель, как редактор журнала "Московский вестник", некогда пробитого с таким трудом В. Шугаевым, всегда оставаясь верным служителем слова, которое раньше — в не столь прагматично-технологические времена — почиталось священным.

Долгая жизнь — многие труды, неустанная энергия, умножаемая на таланты…

Уход того, кто остаётся в наследии, — условность, ибо книги будут дышать, а память многих, кому помог Гусев, распространится световой энергией в будущие поколения.

Александр БАЛТИН

На фото: В.И. Гусев (годы жизни 1937 — 2022)

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Выставка в Музее русского импрессионизма

"Лицом к лицу Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье"
Сергей ЕСЕНИН

ХУДОЖНИКА всякий обидеть может, особенно другой художник. Бывает и так, что мэтр пишет себя нелепым и растрёпанным, а коллеги мнят его светским комильфо. Иные живописцы, напротив, хотят изобразить своё лицо краше, чем есть, придавая обыденным чертам элементы вселенской гармонии. Тому пример — талантливейшая и невыносимо самовлюблённая Зинаида Серебрякова: на автопортретах она роскошная Афродита, но в жизни — просто женщина, каких большинство. У нас есть возможность увидеть и Серебрякову, и Головина, и Кустодиева, и менее известных мастеров, что оставили после себя автопортреты, но это лишь часть замысла! Зеркально явлены работы коллег, супругов, учеников, друзей. Художник предстаёт в качестве модели для другого творца, а для объективности есть фотокарточки.

Идём на выставку "Точки зрения", что проходит сейчас в Музее русского импрессионизма! Вообще, московские проекты часто перекликаются — в Малой Третьяковке на Крымском валу можно познакомиться с интереснейшим советским тандемом: Гурий Захаров и Татьяна Соколова, где гравёр и его жена-скульптор всю жизнь были не только парой, но и моделями друг для друга.

Что касается Музея русского импрессионизма, то он постоянно открывает мало знакомые широкой публике имена — забытые или же имеющие сугубо региональное значение. На пригласительной афише — часть автопортрета казанской художницы Александры Платуновой, точнее — выразительные глаза. Ученица прославленного когда-то Николая Фешина, также "открытого" не столь давно, Платунова была пассионарией местного авангарда, а эта её работа ещё ученическая, в духе положенного школярам реализма, но жёлтый "зовущий" цвет её косынки говорит о том, что девушке не терпелось исследовать свойства красок. Её муж — Константин Чеботарёв, тоже из "фешинских", писал любимую Сашеньку с момента знакомства, но самым эффектным её портретом будет произведение начала 1930-х, где Платунова изображена не столько в кубистическом обыкновении, как хотел Чеботарёв, сколько в манере ар-деко и женских типажей "буржуазной" Тамары де Лемпицки.

Ещё одна пара — Елизавета Потехина и Роберт Фальк. Он — популярнейший, она — в тени. Его картины уже в 1960-х будет громить сам Хрущёв, а Потехина так и останется одной из тех способных женщин, что выпорхнули в Серебряном веке, но так в нём и остались. Но даровита! Ради неё Фальк оставил иудейскую веру и перешёл в православие, но брак не оказался крепок — Роберт, как большинство мужчин-художников, был увлекающейся натурой, а дворянская дочь, выросшая в строгости, этого не понимала. Вместе с тем портреты жены и конкретно "Лиза в голубой шали" созданы с благоговением. Себя же она не щадила — там, где Фальк обнаруживал нежность, Потехина делала острые углы, морщины, жёсткость. Рядом — автопортрет Фалька с завязанным ухом, в честь Ван Гога, и картина Елизаветы, где супруг заявлен по-французски, по-сезанновски.

Похожая ситуация (но без мужниных измен да развода) была и в другой паре — Владимир Фаворский и Мария Дервиз. Он — титан и теоретик, она — не без искорки, но вечно вторая. Замужем в смысле "за мужем". На автопортрете Фаворского мы наблюдаем, как он — паровоз, она — вагончик, а вот Мария пишет себя в объятиях мужа — на этой картине, пронизанной томной эротикой, есть всё: и жизнь, и горение, и страсть. Фаворский умело рассуждал о гармонии в своих опусах, вроде "О композиции" или "Об искусстве, о книге, о гравюре", но центром гармонии была Дервиз. К слову, их младшая дочь — керамист Мария Фаворская-Шаховская 1928 года рождения ещё жива.

Знаменитейший творческий союз — Михаил Ларионов и Наталья Гончарова (из тех самых Гончаровых, что дали миру пушкинскую Натали). В отличие от своей родственницы и тёзки, эта Наталья не довольствовалась ролью вдохновительницы — она оказалась даже сильнее Ларионова. Щедрая на восторг, Марина Цветаева промолвила, что у той внешность женственно-мужественна, как у молодой настоятельницы монастыря: "Прямота черт и взгляда, серьёзность — о, не суровость! — всего облика. Человек, которому всё всерьёз. Почти без улыбки, но, когда улыбка, — прелестная". В этом убеждаемся, сравнив чуть угрюмый "Автопортрет в старинном костюме", где больше восточного колорита, нежели веяния ушедших времён, и очаровательно-игривый взгляд Ларионова на жену в модной шляпке.

Ленова заслужила себе вечную благодарность русского общества тем, что она первая из русских художников обратила внимание на самую художественную область в жизни — на детский мир, на его странную, глубоко поэтическую фантастику. Она нежный, чуткий и истинно добрый человек". На выставке мы встречаем отличную акварель с Александром Головиным в испанском костюме времён Лопе де Вега.

Головин, как и Поленова, входил в "абрамцевский кружок", где ставились пьесы, часто классические, с переодеванием в старинные кружевца и камзолы. "В эпоху домашних спектаклей в доме Мамонтова, — вспоминал Головин, — кроме Серова и Коровина, бывали Виктор и Аполлинарий Васнецовы, Василий Дмитриевич и Елена Дмитриевна Поленовы". Акварель привлекает не только хорошей техникой, но и диссонансом — у Головина был мягкий взгляд, слабо гармонировавший с образом идальго, а те позировали с выражением спеси на лице. Вот автопортрет Головина, сделанный летом 1917 года — в тот краткий миг между

Борис Кустодиев. Портрет художника И.И. Бродского (1920 г.)

УМНОГИХ ИЗ НАС в детстве были русские-народные сказки с дивными рисунками Елены Поленовой — одной из основоположниц стиля ар-нуво в отечественной иллюстрации. Младшая сестра Василия Поленова, она пошла своим путём и выработала неподражаемый стиль, хотя Владимир Стасов брюзжал, что мадемуазель Поленова "никогда не поднялась бы выше посредственности и умеренного успеха". Отличная рисовальщица, что немало, она не смела "вершить" могучие полотна. А почему сие так обязательно?

Александр Бенуа, вовсе не склонный к бессодержательным похвалам, утверждал: "Поревлюциями. Уже немолод. Уже увенчан лаврами. Что дальше? Тревога на седом челе. Серебряный век породил пламя и — что-то будет! Судьба Головина после октября 1917-го была, скорее, удачной — его сценические опыты пригодились молодой Советской власти.

А что за бодрая девушка в пенсне? Взгляд не то опущен, не то направлен вглубь себя. Это Анна Остроумова-Лебедева, на вид каноническая эмансипе, однако же не деланая, а реальная. Сколько в ней было энергии! Александр Бенуа впервые заметил её в музее, когда Остроумова-Лебедева занималась копированием. Бенуа принял её за любительницу, каких тогда расплодилось более, чем много, особливо в аристократической среде: "Никак нельзя было ожидать, что барышня в пенсне одолеет колоссальные трудности задачи. Каково же было наше удивление, когда из-под угля на холсте мощными штрихами стала вырисовываться фигура, а затем с необычайной энергией, напомнившей мне знакомые приёмы Репина, моя соседка стала прокладывать красками свою картину". Впоследствии эта чёткость позволит художнице выживать в блокадном Ленинграде, подавая пример отчаявшимся. Бенуа сказал, что "искусство Остроумовой можно назвать красивым, умным и вдохновенным". Ибо она самая — такая.

Самый цитируемый портрет Остроумовой-Лебедевой был написан её учеником Филиппом Малявиным — "певцом" красного-крестьянского цвета и пригожих баб, но здесь он выступил, как созерцатель резвой утончённости (sic!). Анна дружила с Малявиным и отзывалась о нём с нежностью: "Малявин страшно одарённый человек, из крестьянской среды. Он остался, несмотря на это, таким свежим, чистым, непосредственным. Как в нём сильны такт и врождённое чувство ко всему прекрасному!" Самоё себя Остроумова-Лебедева показала в обычном платье по моде 1900-х, с аккуратной причёской, какую делали все женщины, — пышно собранные волосы подколоты шпильками, а посредине — маленький пучок. Интересен фон: красный того странного оттенка, что совершенно гасит ярость — он вообще не полыхает, но мягко тлеет.

Елизавета Кругликова — одна из тех русских "амазонок", что когда-то покорили Монпарнас, учились в Académie Colarossi, носили мужской костюм и курили папироски, чем эпатировали добропорядочных буржуа, но потом всё забылось, как предутренний юношеский сон, за исключением папирос. Кругликова стала педагогом, а после революции — гранд-дамой большевистского искусства. На выставке её автопортрет-силуэт в каком-то фраке (воспоминание о младых летах!), затем — вещь Остроумовой-Лебедевой, что обожала Кругликову, как идеал мастера и, наконец, парадный портрет, созданный Михаилом Нестеровым уже в эпоху сталинского Большого стиля.

ЛИЧНЫМ ОТКРЫТИЕМ для меня был художник Василий Беляшин — ученик Серова и Репина, великолепный колорист, но поклонник чёрно-белого рисунка и офорта. Стипендиат Императорской академии художеств, в 1900-х путешествовал по Европе, в 1910-х скромно жил в Петербурге, зарабатывая в основном журнальными иллюстрациями, как и потом в 1920-х — уже в Ленинграде. Его приятель Иван Куликов — разносторонний автор, кисти которого принадлежали и один из портретов Александра III, и советская физкультурница с мячом — написал Беляшина этаким усатым бонвиваном в шляпе. Акцент — на ярко освещённое лицо. Беляшин действительно был красив, но, кажется, не замечал этого — себя он окарикатурил, сделав похожим на пирата, пьющего чай из самовара.

Повествовать обо всём, что представлено в залах музея, — невозможно, это займёт целую книгу о временах, нравах и стилях; о дружбе и соперничестве, любви, изменах и зависти. Лицом к лицу. Илья Репин — Исаак Бродский; тут же Борис Кустодиев и всё тот же Бродский. Переплетение биографий и многослойность восприятия. Слишком широка палитра, а ведь есть и дополнительный раздел выставки — Шаляпин в творчестве художников и скульпторов, но это узкая тема, вполне достойная отдельного разговора. Также хочется отметить оформление экспонатов: ровный тёмно-синий фон и спокойная подсветка выявляют каждый мазок и штрих.

Галина ИВАНКИНА